

- ⁴ Флейшнер Л. Указ. соч.— С. 8.
⁵ Таундсен Р. Обязательное начальное обучение и подготовка народных учителей в Англии и Валисе.— Лондон.— 1920.— С. 52.
⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— 2-е изд.— Т. 2.— С. 397—401.
⁷ Таундсен Р. Указ. соч.— С. 57.
⁸ G. Stuart MacLure. Educational Documents England and Wales. 1816 to the present day.— L.— 1974.— P. 19.
⁹ Ibid.— P. 19—20.
¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 38.— С. 305.
¹¹ Education in Britain.— L.— 1967.— P. 4.
¹² G. Stuart MacLure. Educational Documents England and Wales.— P. 28.
¹³ Флейшнер Л. Указ. соч.— С. 10.
¹⁴ G. Stuart MacLure. Educational Documents England and Wales.— P. 44.
¹⁵ Proceeding of the international congress of education of the World's Columbian exposition Chicago. July 25—28. 1893.— New York.— 1895.— P. 870.
¹⁶ Журнал Министерства народного просвещения.— Ч. IV.— Отд. VI.— СПб.— 1834.— С. 167.

Е. Д. СМЕРНОВА

К ИСТОРИИ ЧЕШСКО-РУССКИХ КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ ПОЗДНЕГО ФЕОДАЛИЗМА (XVI—XVIII ВЕКА)

Развитию чешско-русских культурных контактов средневековья во многом способствовали два основополагающих момента: создание славянской письменности Кириллом и Мефодием (в Великоморавской империи и Киевской Руси она сходная, старославянская), результатом чего явились «Летопись» Нестора, «Хроника» Козьмы Пражского, «Киевские листки...», «Пражские отрывки» и появление книгопечатания (в Чехии — в 1468, Московской Руси — в 1564 году).

Из комплекса культурных связей позднего средневековья (XVI—XVII века) прежде всего необходимо выделить связи книжные, литературные как наиболее существенные для того времени. Общеизвестна деятельность Ф. Скорины в Праге в первой четверти XVI века, издание им Псалтыри (1517) и Библии (1520). Качественно новые изменения в связях двух стран можно отметить в конце этого века. Наряду с произведениями по всеобщей истории и географии, такими как «Kosmografia česka» немецкого ученого С. Мюнстера (переведена на чешский язык, переработана Зикмундом из Пухова и издана в Чехии в 1554 году)¹, где «первая наиболее подробная информация»² о Московском государстве давалась в главах «О земле Московской» и «Русская земля», существовала литературная продукция, специально посвященная Руси. Это «Московская хроника» — извлечение из латинского сочинения «Описание европейской Сарматии» (1578) итальянца Александра Гваньини, находившегося на службе у Стефана Батория. «Хроника» была переведена и переработана пражским бакалавром Матвеем Гоziем из Высокого Мыта (1555—1589) и издана в 1590 году в Праге печатником-просветителем, гуманистом Даниэлем Адамом из Велеславина. Повествование Гваньини М. Гоziй соединил с не менее известным сочинением того времени «Записками о Московских делах» посла Сигизмунда Герберштейна (1486—1566), дважды посетившего Московскую Русь в 1517 и 1526—27 годах. Книга Гваньини — Гоziя была издана вторично в 1602 году, что может быть расценено как свидетельство того, что у чешских читателей она вызвала живой интерес. Несмотря на некоторую антирусскую направленность (автор сочинения служил польским феодалам и в какой-то степени тенденциозно рассматривал Московскую Русь Ивана IV, в состоянии военно-политического конфликта с которой находилось в то время государство Стефана Батория), «Хроника» давала разнообразные сведения о крупном славянском государстве на востоке: его природных богатствах, географическом положении, торговых отношениях, обычаях, вероисповедании; подробно описаны Новгородское, Тверское, Суздальское, Ярославское, Ростовское княжества. Несомненно, большой интерес представляет предисловие

к «Московской хронике» Даниэля Адама из Велеславина, обратившего внимание на необходимость расширения и укрепления русско-чешских культурных связей, увидевшего языковую общность и культурно-историческую близость чехов и русских: «А потому как Москване и русские произошли от того же народа сарматского, как и мы, чехи, и говорят на том же языке, на котором говорим мы и остальные народы славянские, хотя между нами есть и немалые различия, живут так же, как поляки, хорваты, словаки, сербы и т. д., то полезно будет чехам нашим знать и ведать, как далеко расселился народ этот»³. Значение «Хроники» как источника, вероятно, хорошо сознавали деятели национального чешского возрождения: в 1786 году историк Ф. Ф. Прохазка издал «Vejtaň z Kroniky Mozkevské».

К XVI веку относится появление в Чехии первых периодических изданий — листков («počín») и брошюр. Посвященные политическим событиям своего времени, эти издания по праву могут считаться предшественниками современной периодической печати. Ранним чешским изданием такого рода являются «Noviny hrozně...» пражского печатника Себастьяна Окса из Коловси, изданные на 6 листах в 1563 году⁴. В сочинении Окса нашла отражение история Московской Руси Ивана Грозного. Немалый интерес в чешской среде вызвали события Смутного времени. В 1606 году в Праге Каспар Каргезий напечатал брошюру Антонио Поссевино «Историческое и правдивое повествование о том, как... Дмитрий Иванович достиг отцовского престола»⁵.

Прогресс книжного дела был насильственно прерван поражением Чехии в битве у Белой Горы 8 ноября 1620 года. Попавшая еще в 1526 году в зависимость от Габсбургов, после битвы у Белой Горы Чехия окончательно утратила политическую самостоятельность, лишилась былых прав и привилегий и вошла в состав австрийских «наследственных» земель. Наступило мрачное время господства католической реакции, получившее наименование «эпохи тьмы». Утрата страной независимости и полное подчинение Габсбургам пагубно сказались на культурной жизни: Пражский университет был передан иезуитам; книги, изданные на чешском языке с 1414 по 1620 год, объявлены еретическими и беспощадно уничтожались; чешский язык, как некогда в XI—XIV веках, был вытеснен латынью и немецким. Последний стал государственным языком Чешских земель. Для Московской Руси XVII века Чешские земли не являлись чем-то конкретно-осязаемым. Являясь составной частью империи Габсбургов, Чехия (или Богемия) воспринималась чаще как австрийская провинция, как славянский штат объединенной империи. Вместе с тем, именно в XVII веке в «Московии» получает известное распространение ряд литературных памятников Чешского королевства: «История вкратце о Бохеме, еже есть о земле Чешской», «Сказания о девичьей войне», «Повесть о Брунцвике», «Повесть о Василии Златовласом, Королевиче чешския земли»⁶. Диапазон русской осведомленности о Чехии расширяется за счет появления русских хронографов и космографий. Русский «Хронограф» (вторая редакция 1617 года) представлял собой попытку создать всемирную историю. В отличие от первой редакции (1512) здесь появляются справки по истории Чехии: «О начале государства Польского и Чешского», «О Кроке, короле их, иже от племени Чехове»⁷. Космографии же (наиболее известна «Космография 1670 года» — Спб., 1878—1881, — появившаяся в царствование Алексея Михайловича) представляли собой «переводы и компиляции иностранных источников с включением сведений по истории, экономике и политике описываемых стран»⁸. Состав сведений о Чехии (впрочем, как и о других славянских государствах) русские хронографы и космографии чаще всего заимствовали из западно-европейских источников: из «Хроники всего света» Мартина Бельского (1584), «Космографии» Герарда Меркатора и т. д., что, думаается, не снижало их значения как своеобразного пособия по истории чешского народа для русского читателя XVII—XVIII веков. Необходимо подчеркнуть, что переводы и переработки в то время играли большую роль,

нежели в период новой истории, и нередко приобретали самостоятельное значение. Русский читатель тогда, за редчайшими исключениями, «не знал ни одного чужого языка и мог читать книги только на литературном языке древней Руси — церковнославянском. Лишь с Петровской эпохи, когда стало развиваться общение России с западом, появились у нас люди, читающие книги на западно-европейских языках»⁹.

Связи двух стран значительно расширяются в эпоху Просвещения. Период от Петра Великого до Екатерины II был для Чешских земель стадией внутренней подготовки, «подспудного созревания» эпохи национального возрождения. Контакты этого периода пока еще фрагментарны, односторонни. Известно, что в 1716—1720 годах в Прагу Петром I были откомандированы префект Славяно-греко-латинской академии Феофил Кролик, студент той же академии И. Воейков и, ставший впоследствии переводчиком Петербургской типографии, Максим Суворов для отбора и перевода на русский язык книг, которые затем предполагалось печатать в России. К началу XVIII века можно отнести зарождение чешско-русских театральных контактов: в 1723—1724 годах в Петербурге гастролировала «богемская» труппа из 12 «комедиантов», дававшая спектакли в театре царевны Натальи Алексеевны. К этому же периоду относится серия портретов Петра I, выполненных известным чешским художником Яном Купецким, и появление отдельных сведений об успехах русской культуры и науки, развитии экономики на страницах первого периодического издания на чешском языке, газеты К. Розенмюллера «Чешский почтальон».

Активное оживление чешско-русских культурных связей начинается в последние десятилетия XVIII века, когда в условиях нарастающего кризиса феодализма и прогрессирующих буржуазных тенденций начинают развиваться национально-просветительская идеология («национально-просветительское или собственно чешское просвещение») ¹⁰ и национально-культурное, антифеодальное по своей сути движение — национальное чешское возрождение. «Деятели возрождения ясно осознавали национальную и языковую чешско-русскую близость» ¹¹. Как старшее поколение чешских просветительских историографов и филологов (Г. Добнер, М. А. Фойгт, Ф. М. Пельцль, В. Ф. Дурих), так и младшее (И. Злобицкий, Й. Добровский, К. Р. Унгар, Ф. Ф. Прохазка, Я. А. Ганке) при изучении чешской истории и литературы ориентировались на славянский характер и межславянские взаимосвязи. С 1769—1770 годов появляются первые ссылки на исторические сочинения М. В. Ломоносова в печатных трудах по истории Чехии Г. Добнера и Ф. Пубички. Чешским историкам более позднего периода были известны исторические труды Нестора, Мюллера, М. В. Ломоносова, М. М. Щербатова, В. Н. Татищева, отчасти издания Н. Новикова («Древняя Российская Вивлиофика»). В работах чешских исследователей Ф. Ф. Прохазки, Ф. М. Пельцла, Я. А. Ганке, В. Ф. Дуриха появляется разного рода информация о России, зачастую окрашенная восприятием от гуманистической традиции XVII века представлением о славянской этно-языковой общности. Для возрождения угнетенной «отечественной национальной культуры... языка и народности» необходима была «сильная внешняя моральная опора» ¹², поэтому объяснимо возникновение ряда работ, направленных на обоснование чистоты и древности славянского языка, ссылки на величие и силу славянских народов, подчеркивание принадлежности чешского «наречия» к славянским языкам, приобретавшее форму публицистических трактатов-«защит». Ссылки на Россию, русский язык как родственный, славянский — характерная черта большинства «защит» чешского языка 80—90-х годов XVIII века: «Защиты чешского языка от злобных его хулителей» К. Г. Тама (1783), «Славы и превосходства языка чешского» Я. Рулика (1792) и др.

Чешско-русские научные связи периода возрождения не замыкались литературно-исторической областью, отмечены контакты и в области естественных и точных наук. На рубеже 40—50 годов XVIII века в Чеш-

ских землях были известны публикации на немецком и латинском языках (календари, сборники трудов) русской Академии наук — «Комментарии» и «Новые комментарии». В 60-е годы чешские ученые знали и использовали первый русский научный журнал на русском языке «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие» (1755—1764). Контакты обеих стран усиливаются в 70-х годах, когда вокруг просветительского чешского научного журнала «Пражские ученые известия», издававшегося талантливым литератором и естествоиспытателем И. Борном (1742—1791), возникает сначала «Общество ученых мужей», а затем на его основе «Частное общество наук» (1774), установившее связи с Петербургской Академией наук. В «Труды» Частного общества (1775—1784) были включены и материалы русского физика П. Палласа (1741—1811). Связи Праги и Петербурга поддерживались и в 80—90-е годы, после преобразования «Частного общества наук» в «Чешское общество наук», а затем — Королевское. Большое значение для истории русско-чешских научных и литературно-исторических контактов конца XVIII века имели известия о Чехии, печатавшиеся в русских журналах («Академические известия, содержащие в себе историю наук и новейшие открытия о них». — СПб., 1779—1781; «Библиотека Российская историческая». — СПб., 1767; «Беседующий гражданин». — СПб., 1789; «Зритель света». — СПб., 1775; «Санктпетербургский вестник». — СПб., 1778—1781; «Политический журнал». — М., 1790—1801). Чешско-русские научные связи, наладившиеся в 70—80-х годах, достигли кульминации в 90-е годы, когда члены общества наук И. Добровский и И. Штернберг совершили путешествие в Россию. И. Добровский цель своего путешествия в Россию видел в объяснении истории и литературы всего славянского народа. Именно он первый осознал значение русской культуры для всех славян, распознал в русском народе ведущий элемент славянства. Результатом его путешествия явились сочинения «Литературные известия о путешествии в Швецию и Россию»¹³ и др.

Последние десятилетия XVIII века — период интенсивных театральных и музыкальных контактов двух стран. В конце века на петербургской сцене выступала труппа пражских актеров общества Бруниана, гастролировали известные драматические актрисы Эдмунда Тиллова-Шольцова и Жофия Шродерова. Выдающийся вклад в развитие русского театрального искусства внес чешский драматург и актер Франтишек Штайнсберг (1757—1806). В 1797—1799 годах Ф. Штайнсберг был директором пражского патриотического театра «У Гиберну». Первой пьесой, написанной им для чешского театра, стала трагедия в 2-х частях «Емельян Пугачев» (1777). В 1803 году Ф. Штайнсберг основал в Москве театр для немецкой колонии. Театр Ф. Штайнсберга познакомил Россию с произведениями Шекспира, Мольера, Шиллера, операми Моцарта, для постановки которых в Москву были выписаны из Праги лучшие исполнители моцартовских произведений Гальтенгоф и Гунниус. Как и в разгар «эпохи тьмы», сильной оставалась эмиграция деятелей музыкальной культуры из Чешских земель. Среди исполнителей, музыкантов, покинувших империю Габсбургов и поселившихся в России, были дирижер придворного царского оркестра, реформатор русской охотничьей и создатель роговой музыки Ян Антонин Мареш (1719—1794), гобоист И. Фиала, капельмейстер Петровского театра в Москве, скрипач Ф. Блима, собиратель русских народных песен Ян Прач.

Итак чешско-русские культурные связи позднего феодализма, постепенно расширяясь и обогащаясь, приобрели во второй половине XVIII века в условиях чешского национального возрождения устойчивый и регулярный характер.

¹ См.: z Púchova Zikmund. Kosmografia česka. — Praga, 1554.

² Pfaff I., Závodský V. Tradice česko-ruských vztahů v dějinách. — Praga, 1957. — S. 29.

³ z Velešlavina Daniel Adam. Předmluva. // Hosius — Guagnini. Kronika Mozkevská. — Praga, 1590.

⁴ См.: Pfaff I., Zavadsky V. Tradice česko-ruských vztahů v dějinách.— S. 32.
⁵ Historické a pravdivé vypsaní, kterak... velikomocně a vysoceurozene velkokníže v Moskevských zemích jmenem Demetrius... otcovského království svého dosáhl.— Praha, 1606.

⁶ См.: Флоровский А. В. Чехи и восточные славяне: Очерки по истории чешско-русских отношений (X—XVIII вв.).— Прага, 1947.— Т. 2.— С. 45, 76; Панченко А. М. Чешско-русские литературные связи XVII в.— Л., 1969.

⁷ Попов А. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции.— М., 1869.— С. 131.

⁸ Мыльников А. С. Об истоках становления славяноведения в России: К вопросу об изучении «предыстории» славистики. // Историкографические исследования по славяноведению и балканистике.— М., 1984.— С. 16.

⁹ Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв.: Библиографические материалы. // Сборник ОРЯС.— 1903.— Т. XXIV.— № 1.— С. 6.

¹⁰ Myl'nikov A. S. Vznik národně osvícenské ideologie v Českých zemích 18. století: Prameny národného obrození.— Praha, 1974.— S. 247.

¹¹ Vavra J. Česko-ruske vztahy 1770—1791. // Dějiny česko-ruských vztahů. 1770—1917.— Praha, 1967.— S. 19.

¹² Pfaff I., Zavadsky V. Tradice česko-ruských vztahů v dějinách.— S. 46.

¹³ См.: Literarische Nachrichten von einer auf Veranlassung der Böhmischen Gesellschaft der Wissenschaften im Jahre 1792 unternommenen Reise nach Schweden und Russland.— Praha, 1793—1796.

Е. А. СОКОЛОВА

ГРАБИТЕЛЬСКИЙ ХАРАКТЕР ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ В БЕЛОРУССИИ

Экономическая борьба белорусского народа против немецко-фашистских захватчиков на временно оккупированной территории Белоруссии в годы Великой Отечественной войны относится в советской исторической науке к числу малоисследованных проблем. В частности, до сих пор не получили научного анализа такие вопросы, как сущность экономической политики нацистов на временно оккупированной территории Белоруссии, структуры их хозяйственных органов, призванных обеспечить реализацию гитлеровских планов по ограблению и использованию имевшихся на территории республики материальных и трудовых ресурсов, а также основные методы и формы борьбы белорусского народа за срыв экономических расчетов врага. В настоящей статье анализируются эти аспекты.

Главная экономическая задача немецко-фашистской агрессии заключалась в том, чтобы наряду с уничтожением советского общественного строя уничтожить и социалистическую экономическую систему, превратить уцелевшее население в рабов.

При верховном командовании вермахта был создан «Штаб по руководству экономикой «ОСТ» с исполнительным органом — «Хозяйственным штабом Ольденбург» (или как его именовали иначе — «экономический штаб «Восток»). Штаб и его исполнительный орган действовали в тесном контакте с промышленниками, государственными органами, управлением военного хозяйства и вооружения, представляя собой государственно-монополистическую систему ограбления. Откуда гитлеровцы намеревались брать кадры для функционирования столь громоздкой хозяйственной машины? В докладной о создании штаба «Ольденбург» подчеркивалось, что для этого «целесообразно привлечь с самого начала надежных лиц из немецких концернов, так как только с помощью их опыта с самого начала может проводиться успешная работа»¹.

Штаб «Восток» подчинялся непосредственно Герингу и был независим от всех других властей рейха. Его функции лучше всего определяло распоряжение Геринга от 6 сентября 1941 года: «...хозяйственный штаб «Восток» несет ответственность передо мною за конфискацию и вывоз запасов сырья из областей, находящихся под управлением военных органов власти... Конфискация и вывоз запасов сырья являются впредь до дальнейшего распоряжения задачей хозяйственного штаба «Восток»².

Таким образом, главной задачей штаба «Восток» было экономическое использование захваченных территорий; в его компетенцию входили «все вопросы продовольственного снабжения и сельского хозяйства, промышленная экономика, включая сырье и продовольственное снабжение, а также вопросы лесного хозяйства, финансовые, банковские, трофейные, торговля, товарооборота и рабочей силы»³.

Какое место в экономических расчетах врага занимала Белоруссия?